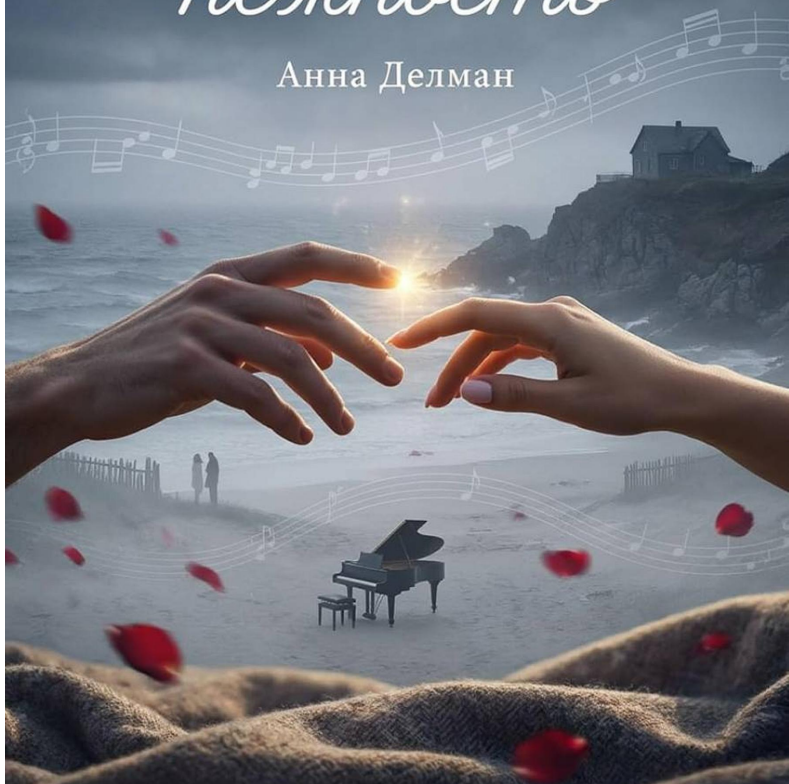

Вдохни мою нежность

Анна Делман

Роман о музыке, штормах и любви, которая учит дышать заново

Анна Делман

Вдохни мою нежность

<https://litres.ru/73982384>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анна Светлова приехала в маленький приморский городок, чтобы ухаживать за больной бабушкой и спрятаться от прошлого. Её собственная жизнь напоминает заброшенный сад: бывший возлюбленный назвал её «пресной», а начатые сказки пылятся в столе. В первый же день Анна врежется в чёрный внедорожник и сталкивается с его хозяином — мрачным отшельником Даниилом Бергом. Когда-то гениальный пианист, он три года не выходит к людям, похоронив себя вместе с невестой, погибшей в автокатастрофе. Ледяной взгляд, грубость, ни единого шанса подойти ближе.

«Вдохни мою нежность» — это глубокая история о любви, которая не спасает мгновенно, но учит дышать заново. О музыке, которую можно услышать только сердцем. О сказках, которые становятся реальностью, если в них по-настоящему поверить.

Содержание

Глава 1. Авария на краю земли	4
Глава 2. Сосед-отшельник	12
Глава 3. Полночная соната	23
Глава 4. Сделка с колючкой	35
Глава 5. Рецепт штруделя	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Анна Делман

Вдохни мою нежность

Глава 1. Авария на краю земли

Туман пришёл с моря внезапно, будто кто-то выключил свет. Только что в лобовом стекле ещё угадывался изгиб шоссе и чахлые сосны по обочинам — и вот уже мир за пределами старенькой «Волги» превратился в сырой ватный кокон. Анна сбавила скорость до минимума и включила фары, но жёлтый свет упёрся в белёсую стену и рассыпался, не пробив её ни на метр.

Дворники со скрипом размазывали по стеклу морось пополам с солью. Где-то справа, совсем близко, дышал океан: тяжёлый мокрый вздох, шорох гальки, запах йода и гниющих водорослей. Анна опустила боковое стекло, чтобы не запотевало изнутри, и влажный ветер тут же лизнул её щёку холодным языком.

— Штурман из меня так себе, — пробормотала она, покосившись на телефон. Навигатор показывал, что до бабушкиного адреса осталось три километра, но синяя точка на экране дрожала и путалась в показаниях. Связь здесь была капризной, как и всё в этом городе, затерянном на краю земли. Анна поправила съехавшую резинку на растрёпанном

пучке и мысленно вернулась к тому, что привело её сюда. Полгода назад она ещё верила, что счастье — это прочный и надёжный дом. У неё был мужчина, была уютная работа в библиотеке и ящик стола, полный начатых, но так и не дописанных сказок. А потом мужчина ушёл — легко, будто перевернул страницу, сообщив, что она «слишком пресная». Библиотека осталась, но каждое утро Анна ловила себя на мысли, что рассматривает старые корешки с тем же тусклым безразличием, что и собственное отражение в зеркале.

Когда позвонила соседка бабушки и сказала, что Лидия Петровна сильно сдала, что ей нужна помощь, Анна собрала вещи за час. Уехать. Спрятаться. Забыться. И, может быть, заодно вновь услышать бабушкины истории о том, как та пережила три войны, двух мужей и ни разу не потеряла вкус к жизни.

Старая «Волга», доставшаяся от деда, тарактела, но ехала. Печка не работала, и Анна уже не чувствовала пальцев ног. Дорога сузилась, асфальт стал хуже, а туман — плотнее. Дома городка проступали из белёсой мглы размытыми тенями: покосившиеся заборы, мокрые шиферные крыши, голые ветви яблонь, тянущиеся к небу скрюченными пальцами. Ни души. Только чайки кричали где-то высоко, невидимые в сером небе.

Анна пыталась разглядеть номер дома, когда всё случилось.

Сначала что-то тёмное мелькнуло справа, на границе ви-

димости. Она не сразу поняла, что это машина — внедорожник, припаркованный почти у самой проезжей части, вплотную к бетонному забору. Анна резко выкрутила руль, но мокрые листья под колёсами сделали своё дело. Раздался противный визг тормозов, а потом — глухой металлический удар.

«Волгу» тряхнуло и бросило вперёд. Анна стукнулась грудью о руль. На секунду всё стихло. Только сердце колотилось где-то в горле.

— Нет, нет, нет... — прошептала она, расстёгивая ремень непослушными пальцами. Выскочила из машины прямо под морозящий дождь.

Картина открылась удручающая. Передний бампер «Волги» нежно «поцеловался» с задним крылом чёрного внедорожника. На его блестящем боку красовалась свежая, глубокая царапина, и ещё немного повело пластик бампера. Для старенькой дедушкиной машины — пустяк. Для этого холёного чёрного зверя — катастрофа.

— Я... Господи, пожалуйста, только не это, — Анна прижала ладонь ко рту, чувствуя, как подступают слёзы.

Дверь внедорожника открылась резко, с неприятным, каким-то хищным щелчком. Из салона вышел мужчина. Высокий, широкоплечий, в тёмной толстовке с накинутым на голову капюшоном. Он не хлопнул дверью, а прикрыл её мягко, почти беззвучно, и от этого стало ещё страшнее.

Он подошёл, не глядя на Анну, присел у повреждённого

крыла, провёл пальцами по царапине — медленно, как врач, прощупывающий рану. Капли дождя стекали по его капюшону на лицо, но он не замечал.

— Вы... живы? — спросил он наконец, и голос его оказался низким, ровным, лишённым всякого тепла.

— Д-да, — выдавила Анна. — Я... я страшно извиняюсь. Тормоза схватили на листьях, и туман, я вас просто не увидела...

Мужчина выпрямился и впервые посмотрел на неё. Изпод капюшона блеснули светлые, почти прозрачные глаза — холодные, как северное море. Лицо было красивым той странной, болезненной красотой, которая бывает у людей, давно разучившихся спать по ночам.

— Не увидела, — повторил он без интонации. — Вы слепая катастрофа на колёсах. Вам вообще права выдали или вы их в лотерею выиграли?

Анна почувствовала, как кровь прилила к щекам. Она знала за собой неуклюжесть, невнимательность, вечную склонность витать в облаках. Именно за это её называли «пресной» и «не от мира сего». Слова мужчины ударили точь-в-точь в незажившую трещину внутри.

— Я всё оплачу! — выпалила она. — У меня есть страховка, я позвоню, вызову аварийного комиссара, мы всё оформим...

— Здесь нет аварийных комиссаров, — оборвал он. — Тут вообще ничего нет, кроме тумана и дождя. Вы что, не заме-

тили, куда ехали?

Анна открыла рот, чтобы ответить, но из горла вырвался только короткий, жалкий всхлип. Она вдруг остро ощутила всё разом: холод, затекающий за воротник, мокрые волосы, липнущие к вискам, усталость после шести часов за рулём, страх за бабушку, за разбитую чужую машину, за свою никчёмную жизнь, из которой даже сбежать нормально не получилось.

И она заплакала. Не так, как плачут в кино — красиво и трогательно. А по-настоящему: с красным носом, дрожащими губами и некрасивыми, судорожными вздохами, которые невозможно остановить.

Мужчина замер. На его лице мелькнуло что-то, чего Анна сквозь пелену слёз не смогла разобрать — то ли растерянность, то ли испуг. Плечи его напряглись, а пальцы сжались в кулаки, словно он хотел что-то сделать, но не знал, что именно.

— Перестаньте, — сказал он тише, уже без прежнего холода. — Эй... Послушайте...

Но Анна не могла перестать. Она привалилась спиной к капоту своей несчастной «Волги», обхватила себя руками и вздрагивала всем телом. Дождь усилился, капли смешивались со слезами, и было совершенно всё равно.

Внезапно она почувствовала, как на плечи легло что-то тяжёлое, тёплое и колючее. Анна подняла голову. Мужчина стоял теперь совсем близко — она видела его подбородок,

твёрдую линию рта, длинные мокрые ресницы. Он набросил ей на плечи свой плед — толстый, шерстяной, в серо-синюю клетку.

— Держите, — буркнул он, отводя взгляд. — У вас губы синие.

Анна машинально вцепилась в края пледа. Тот пах дождём и чем-то ещё — едва уловимым, древесным, как дорогой табак или корни сосны на солнце. Незнакомец достал телефон и отошёл на несколько шагов.

— Алло, Ринат? Это Берг, — говорил он кому-то в трубку. — Тут у меня авария на Верхней. Нет, я в порядке. Девушка на старом хламе поцеловала мне задний бампер. Давай эвакуатор. Заберёшь её машину в сервис на Пограничной, скажешь, что за мой счёт. Нет, не спорь.

Он убрал телефон в карман и обернулся. Анна всё ещё стояла, закутанная в плед, с красными глазами и совершенно глупым выражением лица.

— Ч-что вы сказали? За ваш счёт? — пролепетала она. — Нет, я не могу...

— Можете, — отрезал он. — Эвакуатор будет через двадцать минут. Сидите в машине и грейтесь. Адрес, куда вам надо, я не спрашиваю — здесь всё равно всего одна улица и три переулка, заблудиться невозможно, даже для вас.

Она хотела спросить его имя, хотела сказать, что это неправильно, что она должна хотя бы заплатить за царапину, но мужчина уже развернулся. Капюшон снова скрыл его

лицо. Он сунул руки в карманы и медленно, не оглядываясь, зашагал прочь. Не к машине, не к дому — а к тропинке, ведущей на берег, где туман был ещё гуще.

— Подождите! — окликнула Анна. — Как вас зовут? Я верну вам плед!

Он не остановился. Тёмная фигура растворилась в сером мареве, и только ветер донёс обрывок фразы:

— Это не важно.

Анна осталась одна на пустой дороге. Дождь барабанил по крыше «Волги», по пледу, по её спутанным волосам. Эвакуатор действительно приехал через двадцать минут — усатый мужичок по имени Ринат долго качал головой, цокал языком, но машину прицепил и даже помог Анне забрать сумки.

— Это ж надо, самого Берга задеть, — хмыкнул он, когда они уже тряслись в кабине эвакуатора. — Местные его стороной обходят, а вы в первый же день... Повезло, что он не в духе был.

— Почему? — спросила Анна, зябко кутаясь в плед. — А когда он в духе, что тогда?

Ринат покосился на неё с каким-то странным выражением.

— Когда Берг в духе, он вообще наружу не выходит. Третий год прячется. Говорят, у него внутри что-то сломалось. Не машина — душа.

Анна прижалась виском к холодному стеклу. В голове всё ещё звучал его голос, и перед глазами стояли светлые, ледя-

ные глаза, которые в какой-то момент дрогнули и стали почти человеческими. Она опустила взгляд на плед, провела пальцами по колючей шерсти. От ткани всё ещё исходил тот самый запах — древесный, согревающий, загадочный.

За окном проплывали мокрые дома, серые волны лизали пустынный пляж, а туман по-прежнему прятал горизонт. Анна не знала ещё, что этот день — авария, слёзы, колючий плед и незнакомец, растворившийся в дожде — стал первой строкой её собственной сказки. Той самой, которую она так долго не могла начать.

Она не знала. Но плед прижала к груди крепче.

Глава 2. Сосед-отшельник

Дом бабушки стоял на пригорке, словно старый корабль, выброшенный на берег и вросший в землю. Покрашенные голубой краской стены облупились от солёных ветров, крыльцо покосилось, а шифер на крыше местами пошёл трещинами, но сквозь эту обветшалость сквозило упрямое достоинство — дом держался, как держалась сама Лидия Петровна, всем штормам назло.

Когда эвакуатор наконец высадил Анну у калитки, дождь уже перестал, но небо оставалось низким и сизым, будто старый ватник. Анна ступила на мокрую дорожку из битого кирпича и глубоко вдохнула. Пахло мокрой землёй, поздними астрами, которые росли буйными кустами вдоль забора, и ещё тем самым йодистым дыханием моря, которое теперь стало её постоянным спутником. На душе было странно: тревожно от аварии, от встречи с незнакомцем, и одновременно — смутно хорошо, потому что она добралась.

Бабушка вышла на крыльцо прежде, чем Анна успела взяться за щеколду. Лидия Петровна, маленькая, сухонькая, в неизменном ситцевом платье и пуховой шали, накинутой поверх, стояла, опершись на палку, и её выцветшие, но всё ещё острые глаза блеснули влагой.

— Анька, — сказала она вместо приветствия. — Долго ты. Я уж думала, не доехала.

— Доехала, бабуль, — Анна бросила сумки прямо в траву и шагнула в объятия, пахнущие лавандой и старостью. — Прости, что так поздно. Там туман, я... я машину разбила, кажется.

Бабушка отстранилась, цепко оглядела её с головы до ног, задержав взгляд на чужом плече, в который Анна всё ещё куталась.

— Разбила, говоришь. Ну, пойдём в дом. Расскажешь.

В доме было тепло, хотя печь топилась только на кухне. В маленькой гостиной всё осталось прежним, как в детстве: высокий буфет с треснувшим стеклом, чугунная лампа под зелёным абажуром, старый диван с вытертыми подлокотниками. Стены пахли сушёными яблоками и воском, а с подоконников свешивались плети традесканции. Анна сняла насквозь промокшие кроссовки, стянула куртку и только теперь осознала, как сильно замёрзла.

Пока она пила горячий чай со смородиновым листом и в три предложения излагала историю аварии, бабушка слушала, покачивая головой, но в её глазах не было ни ужаса, ни упрёка — только спокойное, какое-то вневременное внимание.

— Берг, значит, — произнесла она, когда Анна дошла до описания своего спасителя-обидчика. — Даниил. Я так и думала, что он тебя подберёт. Он всегда там стоит, на Верхней. Как будто ждёт кого-то.

— Ты его знаешь? — удивилась Анна.

— А как же, — бабушка помешала чай. — Мы соседи. Его дом прямо за нашим садом, через забор. Только он нелюдимый. Три года как приехал, а я его всего раз пять и видела. Город его не любит.

— Почему? — Анна отставила чашку.

Лидия Петровна вздохнула, поправила шаль.

— Люди не любят, когда человек сам по себе. Когда не здороваешься, не приходит на праздники, не просит соли. Говорят, он музыкант какой-то знаменитый. Раньше по телевизору показывали. А теперь сидит один в четырёх стенах, никого не пускает. Наши его за высокомерие считают. Ну, а мне старухе что — я в чужие души не лезу. Только вот девочка к нему когда-то приезжала. Красивая, тонкая, как тростиночка. А потом перестала. И он с тех пор почернел.

Бабушка замолчала. Анна почувствовала, как внутри что-то неприятно кольнуло: жалость. Непрошенная. Ненужная. Она вспомнила светлые глаза, холодный голос, фразу «у вас губы синие» — грубую, но с заботой, спрятанной, как косточка в абрикосе.

— Он мне плед дал, — Анна показала на клетчатую шерсть, брошенную на спинку стула. — Сказал, что ремонт машины за свой счёт. А я даже спасибо не сказала толком. И за царапину на его машине... Надо бы отдать деньги.

— Отдай, коли совесть велит, — бабушка поднялась, опираясь на палку. — Только учти: он не откроет. А если откроет — нагрубит. Такой уж человек. Ты, главное, не принимай

близко к сердцу. Время позднее, ложись. Я тебе в твоей комнате постелила.

Ночью Анна долго не могла уснуть. Бабушкина «её комната» была маленькой мансардой с покатым потолком и слуховым окном, выходящим как раз на соседский участок. Лёжа в постели под лоскутным одеялом, Анна смотрела в темноту за стеклом и различала силуэт большого дома — мрачного, каменного, с тёмными провалами окон. Ни единого огонька. Казалось, там никто не живёт. Но где-то внутри, в пустом чреве этого дома, находился человек, которого звали Даниил Берг. И он не спал. Анна была почти уверена в этом.

Утром, проснувшись от крика чаек и яркого, уже осеннего солнца, она приняла решение. Нет, не мудрое решение, подсказанное бабушкой — а то упрямое, почти детское, которое возникало у неё всякий раз, когда кто-то пытался её отчитать. Ей нужно было вернуть плед. И вернуть деньги за ремонт. И, если получится, сказать спасибо так, чтобы он услышал. Потому что, чёрт возьми, она не беспомощная дурочка, которой можно швырнуть подачку и приказать «сидеть и греться». Её самолюбие, и без того израненное прошлым, сейчас встало на дыбы.

К полудню она испекла пирог. Бабушкин рецепт яблочного штруделя был ей знаком с детства: тонкое тесто, много корицы, чуть-чуть лимонной цедры. Аромат поплыл по дому, и даже Лидия Петровна, сидевшая с книгой у окна, одобрительно принюхалась.

— Правильно, — сказала она. — На голодный желудок человек добрее. Может, и отгадет твой медведь.

— Он не мой, — буркнула Анна, заворачивая ещё тёплый пирог в полотенце. — Просто я ему должна.

— Конечно-конечно, — бабушка улыбнулась в усы. — Иди. Калитка между нашими участками не заперта. Только не говори потом, что я не предупреждала.

Калитка действительно не была заперта. Она была даже перекошена и держалась на одной петле, заросшая диким виноградом. За ней начиналась территория Берга. Анна ожидала увидеть что-то мрачное, запущенное, под стать хозяину, но сад оказался... ухоженным. Дорожки из гравия были аккуратно выровнены, кусты подстрижены, старые яблони побелены. Только цветов не было. Вообще. Трава, деревья, камни — и ни единого яркого пятна. Сад-аскет.

Дом стоял в глубине участка, большой, двухэтажный, из серого камня с тёмной крышей. Окна первого этажа были закрыты ставнями. Входная дверь — массивная, дубовая, с бронзовой ручкой. Слева от неё блестел глазок камеры и переговорное устройство.

Анна переложила пирог из руки в руку, поправила воротник кофты и нажала на кнопку звонка. Мелодия была странная — не привычная трель, а какая-то музыкальная фраза, минорная, но красивая.

Тишина. Она нажала ещё раз.

Динамик щёлкнул, и низкий, глуховатый голос произнёс:

— Кто?

— Здравствуйте, — Анна постаралась, чтобы её голос звучал уверенно. — Это Анна Светлова. Мы вчера... столкнулись на дороге. Я пришла вернуть вам плед. И деньги за ремонт. И ещё пирог.

Пауза. Ветер прошёлся по саду, зашуршал листьями. Анна переступила с ноги на ногу.

— Плед оставьте на крыльце. Деньги не нужны. Пирог можете забрать обратно, — голос был абсолютно лишён эмоций.

— Но я же... — Анна запнулась. — Послушайте, я правда хочу извиниться. Вы мне очень помогли вчера. Я испекла штрудель, он ещё тёплый...

— Я не ем сладкое. И гостей не принимаю.

— Тогда хотя бы плед заберите! И... и деньги за царапину на вашей машине. Я не могу просто так...

— Мне не нужны ваши деньги. Считайте это благотворительностью. И пожалуйста, не шумите. У меня работа.

Щелчок. Динамик умолк.

Анна осталась стоять с пирогом в одной руке и свёрнутым пледом в другой. Внутри закипала обида — та самая, знакомая, поднимающаяся из живота к горлу. «Благотворительность». Он произнёс это слово так, словно она была попрошайкой. Или докучливой мухой, от которой отмахиваются.

Она подошла к двери и настойчиво постучала кулаком.

— Послушайте! — крикнула она, чувствуя, как голос сры-

вается. — Может, вы привыкли всех отшивать, но я не уйду, пока не скажу вам спасибо по-человечески! Вы слышите?

За дверью было тихо. Так тихо, что Анна слышала собственное дыхание. Секунды тянулись, и она уже подумала, что он просто отошёл, оставив её стоять на крыльце, как вдруг дверь чуть дрогнула. Не открылась — просто дрогнула, будто по ту сторону кто-то прислонился к ней лбом.

Анна замолчала. Внезапная догадка обожгла её: он стоял там, в полуметре от неё, разделённый только толстым дубовым полотном. Стоял и не открывал. Может быть, не из высокомерия. Может быть, из-за того самого, о чём говорила бабушка: «у него внутри что-то сломалось».

Она выдохнула. Гнев схлынул, оставив после себя странную, пустую тишину внутри.

— Хорошо, — сказала она тише, уже не в дверь, а как будто в пространство. — Я оставлю плед здесь. И пирог тоже оставлю. Хотите — выбросьте. Хотите — съешьте. Но деньги... — она вытащила из кармана конверт с купюрами, которые отсчитала утром по самым скромным прикидкам, и сунула его под камень у крыльца. — Вот. Тут не благотворительность. Это ремонт. Спасибо вам. И простите за вторжение.

Она положила плед на перила, сверху пристроила свёрток с пирогом и быстро, почти бегом, пошла к калитке. Сердце колотилось, щёки горели. Она не оглядывалась. Не видела, как через минуту входная дверь бесшумно приотворилась, и

высокая фигура в чёрном свитере наклонилась, чтобы поднять с камня конверт. Не видела, как он поднёс к лицу пирог, всё ещё тёплый, и как странно дрогнули его бледные пальцы.

Анна ворвалась в бабушкин сад, схватила садовые ножницы и принялась яростно обрезать сухие ветки у старой сирени. «Игнорировать, — твердила она про себя, сжимая челюсти. — Полностью игнорировать. Никаких пирогов. Никаких спасибо. Чёртов сноб с ледяными глазами. Благотворительность ему...»

Но злость была неправильной. Она сама это чувствовала. Гнев — как защита, как корочка на свежей ранке. Потому что если честно, ей было не обидно. Ей было... больно. За него. Больно за человека, который даже «спасибо» не может принять, потому что не верит, что ему могут дать что-то просто так, без подвоха.

День прошёл в хлопотах. Анна помогла бабушке разобрать кладовку, сварила борщ, ходила в местный магазинчик за хлебом и по пути собрала целую коллекцию косых взглядов и приглушённых перешёптываний. В маленьком городке новости разлетались быстро: «Приезжая внучка Светловой разбила машину Берга». Местные тётушки у прилавка качали головами, продавщица Зинаида многозначительно сообщила, что «этот Берг вообще странный, от него за версту холодом веет». Анна отмалчивалась, покупала хлеб и уходила.

К вечеру небо расчистилось, и закат разлился над морем

ослепительным золотом, подсвечивая каждую ветку, каждую травинку. Анна вышла в сад, чтобы просто постоять, подставить лицо последним тёплым лучам. Осень здесь была другой — не умирающей, а засыпающей, красивой, полной достоинства. Она прошла вглубь, к дальнему концу участка, где за старыми яблонями начинался общий с Бергом забор — высокий, но с просветами между штакетником.

И замерла.

По ту сторону, в соседнем саду, стоял Даниил. Он был без привычного капюшона, в одной рубашке с закатанными рукавами. В руках он держал садовый секатор и обрезал сухие ветки со старой розы — единственного цветка, который Анна заметила на его участке. Роза была одичавшая, но ещё живая, с несколькими алыми, почти чёрными в закатном свете бутонами.

Солнце падало на его волосы, и Анна вдруг увидела то, чего не замечала раньше: они были не просто тёмными. В них запутались золотые нити, словно свет пробивался откуда-то изнутри, просвечивая пряди насквозь. А лицо... Лицо не казалось сейчас ни холодным, ни высокомерным. Оно было усталым. Бесконечно усталым. И когда мужчина поднял руку, чтобы срезать особенно непокорную ветку, Анна заметила, как дрожат его пальцы — те самые длинные пальцы пианиста, о которых она вчера не подумала.

Она стояла, не дыша. Он не видел её — солнце било ему в глаза, а тень от яблони надёжно прятала Анну. А она смот-

рела, как он работает, как осторожно, почти нежно касается колючих стеблей, как хмурится, когда ветка не поддаётся, и как потом распрямляется, убирая волосы со лба.

Это было как заглянуть за кулисы. За ту стену, которую он построил вокруг себя. Никакой грубости. Никакого льда. Просто человек, который обрезает розу и думает о чём-то своём. Или не думает. Может быть, просто слушает тишину.

Анна попятилась, стараясь не хрустнуть веткой, и бесшумно вернулась в дом. В груди что-то щемило — то ли от красоты этого заката, то ли от его усталых пальцев, то ли от того, что она только что увидела в нём что-то запретное, что-то, что он не показывал никому. Свою человечность.

Ночью, лёжа в постели, она снова смотрела на тёмный дом через забор. Но теперь он не казался ей враждебным. Теперь он казался... печальным. Как будто дом тоже спал, но видел беспокойные сны. И где-то внутри ходил человек с золотыми нитями в волосах.

Анна вздохнула, перевернулась на другой бок и закрыла глаза. Игнорировать. Легко сказать. Куда труднее — сделать, когда в мыслях одно и то же: склонённая голова, дрожащие пальцы, роза, ещё живая. И где-то далеко, на границе сна, ей показалось, что из соседнего дома донеслась одинокая фортепианная нота. Всего одна. Но она прозвучала как вопрос, повисший в ночи без ответа.

Анна не знала, что это начало долгого разговора. Она только знала, что больше не может злиться. И что завтра, ве-

роятно, всё будет ещё сложнее.

Глава 3. Полночная соната

Три дня Анна честно пыталась игнорировать соседа.

Это оказалось труднее, чем она предполагала. Не потому, что их участки разделял лишь старый деревянный забор с предательскими просветами между штакетником. И не потому, что тишина в этой части города была такой глубокой, что любой звук — стук захлопнувшейся двери, шорох гравия под ногами — долетал до неё совершенно отчётливо. Нет. Игнорировать мешало то, что Анна слишком хорошо запомнила его лицо, подсмотренное в закатном свете: усталое, беззащитное, с дрожащими пальцами, касающимися колючих стеблей.

Словно она случайно прочла чужой дневник и теперь не могла забыть написанного.

Днём она помогала бабушке, и это спасало. Лидия Петровна, несмотря на больные ноги, обладала запасом энергии, которому могла бы позавидовать женщина вдвое моложе. Они перебирали залежи старых вещей на чердаке, варили варенье из позднего крыжовника, высаживали луковицы тюльпанов под зиму — и бабушка попутно рассказывала истории, одну причудливее другой. О том, как в шестьдесят втором году она вот этими самыми руками стащила с мели рыбацкий баркас. О том, как дед ухаживал за ней, принося под окно не букеты, а ведро свежей корюшки — потому что

цветы в их посёлке не росли, а корюшка была доказательством серьёзных намерений. Анна слушала, смеялась, записывала что-то в блокнот для будущих сказок — и на несколько часов ей удавалось забыть, что за забором живёт человек, который не ест сладкое и не принимает гостей.

Но вечерами, когда бабушка рано уходила спать, а дом погружался в тишину, мысли возвращались.

Анна зажигала лампу под зелёным абажуром в мансарде, открывала ноутбук, пыталась писать. Перед ней лежала начатая сказка — та самая, ради которой она, собственно, и приехала. Сказка о девочке, которая собирала туманы в стеклянные банки, чтобы потом дарить их тем, кому слишком больно видеть мир чётким. Хорошая метафора, думала Анна, глядя на мигающий курсор. Но слова не шли. Точнее, шли — но получалось что-то фальшивое, приторное, как патока. Она стирала написанное, начинала заново, снова стирала. История не дышала. Может быть, потому что сама Анна сейчас чувствовала себя не собирательницей туманов, а тем человеком, которому слишком больно видеть мир чётким.

На третью ночь случилось то, что перевернуло всё.

Анна проснулась внезапно, будто кто-то толкнул её в плечо. В комнате было темно, хоть глаз выколи — луну затянуло облаками, и слуховое окно превратилось в чёрный прямоугольник. Она полежала несколько секунд, пытаясь понять, что её разбудило: ветер? шум моря? скрип старого дома? Но

дом молчал, море дышало ровно и привычно, и ветра тоже не было.

А потом она услышала.

Звук был таким тихим, что поначалу Анна приняла его за игру воображения. Низкая, глубокая нота — словно кто-то уронил каплю света в тёмную воду. За ней вторая, чуть выше, третья — и вот уже звуки сплетались в мелодию, просачиваясь сквозь стены, сквозь ночной воздух, сквозь неплотно прикрытое окно.

Фортепиано.

Даниил играл.

Анна села на кровати, прижимая одеяло к груди. Первым порывом было закрыть окно — ей не полагалось это слышать, это было чужое, личное, то, что он прятал от всех. Но мелодия уже захватила её, обвила запястья невидимыми нитями и не отпускала.

Она никогда не слышала такой музыки.

Это была не просто последовательность нот. Это был крик. Человеческий крик, переложенный на язык фортепианных клавиш, — и от этого ещё более пронзительный. Мелодия начиналась медленно, неуверенно, будто человек долго собирался с силами, чтобы заговорить, а потом вдруг слова полились сами — горячие, спутанные, отчаянные. Правая рука выводила высокую, почти хрустальную тему — что-то о надежде, о свете, о тоненьком лучике, пробивающемся сквозь шторы. А левая рука была по басам тяжело и глухо

— как шаги за спиной, как неумолимое напоминание о чём-то страшном.

Анна не заметила, как начала плакать.

Слёзы текли по щекам беззвучно, без всхлипов — просто горячая влага, которую она не пыталась утереть. В музыке было столько боли, что её собственные переживания — предательство, неуверенность, страх быть «пресной» — вдруг показались мелкими, почти ничтожными. Тот, кто играл сейчас за стеной, пережил что-то настолько чудовищное, что его душа истекала звуками, как рана — кровью.

Анна встала. Ноги сами понесли её вниз по скрипучей лестнице, через тёмную кухню, к задней двери, ведущей в сад. Она не думала, что делает. Всё её существо сейчас превратилось в слух, и этот слух требовал быть ближе, ещё ближе, — не подслушивать украдкой, а впитать музыку целиком, понять её, разделить.

Ночной сад встретил её прохладой и запахом влажной земли. Трава была мокрой от росы, и Анна тут же промочила босые ноги, но не обратила внимания. Она шла по тропинке, ориентируясь на звук, который становился всё громче, всё отчётливее. Яблони расступались, забор приближался. И наконец, у самой границы участка, Анна замерла.

Окно в доме Даниила было открыто.

Не просто незашторено, а распахнуто настежь, несмотря на осеннюю ночь. И в этом проёме, залитый мягким светом одинокой лампы, он сидел за роялем.

Раньше Анна видела рояль только в фильмах: чёрный, блестящий, с поднятой крышкой, похожей на крыло гигантской птицы. Этот инструмент занимал почти всю комнату — гостиную, как догадалась Анна, и выглядел как нечто живое. Как третий обитатель дома. Даниил сидел к окну вполоборота, и Анна могла рассмотреть его лицо.

Оно было искажено.

Не гримасой — это было бы слишком просто. Его лицо было искажено страданием такой глубины, что черты, казалось, потеряли свою обычную форму. Глаза были закрыты, брови сведены к переносице, губы что-то беззвучно шептали. Он раскачивался в такт музыке, и его длинные пальцы летали по клавишам с такой скоростью, что почти размазывались в воздухе. Иногда он почти ложился грудью на клавиатуру, извлекая самые низкие, самые тёмные звуки, а иногда откидывался назад, и тогда музыка взлетала вверх, к потолку, и рассыпалась серебряным дождём.

Анна стояла у забора, вцепившись пальцами в деревянную перекладину, и смотрела. Слезы всё текли — она уже и не пыталась их остановить. Музыка рассказывала историю, и Анна, сама того не желая, понимала её до последней ноты. Вот эта трель — это смех, быстрый, искристый, счастливый. А вот этот резкий аккорд — удар. Этот вибрирующий бас — гул мотора. А эта пауза, звенящая, невыносимо долгая, смерть.

Он играл о ней. О Лере. О той девушке с фотографии,

которая когда-то смеялась, а теперь осталась только в этих звуках.

Мелодия нарастала. Гармонии становились всё сложнее, всё мучительнее — диссонанс напал на диссонанс, и Анна чувствовала, как внутри у неё что-то сжимается в тугий узел. Это было невыносимо и прекрасно одновременно — как смотреть на горящую картину, как слушать крик души, которую никто не должен был слышать.

А потом всё оборвалось.

Руки Даниила замерли над клавишами и, рухнули. Последний аккорд вышел рваным, фальшивым, полным такой безысходной злобы, что Анна вздрогнула всем телом. Крышка рояля захлопнулась с глухим стуком. В наступившей тишине было слышно только его тяжёлое, прерывистое дыхание.

И в этой тишине Анна, инстинктивно, не думая, не контролируя себя, подняла руки и захлопала.

Один хлопок. Второй. Третий.

Звук вышел жидким, нелепым, абсолютно неуместным в мокром осеннем саду посреди ночи. Но Анна не могла остановиться. Потому что то, что она только что услышала, было гениально. И никто на свете не аплодировал этому человеку, кроме неё. И он должен был знать, должен! Что его музыка не просто шум за стеной. Она — откровение.

Даниил замер. Медленно, как в кошмарном сне, он повернул голову к окну. Его глаза, широко раскрытые, блеснули в

свете лампы. В них плескалось нечто среднее между ужасом и яростью.

— Ты... — выдохнул он, и это было даже не слово — скорее, выплеск.

Он вскочил со стула так резко, что тот отлетел назад и с грохотом ударился о стену. Через секунду входная дверь распахнулась, и Даниил выбежал на крыльцо — босой, в растёгнутой рубашке, с взлохмаченными волосами.

— Какого чёрта?! — его голос сорвался на крик. — Что вы здесь делаете?!

Анна отшатнулась от забора. Ей вдруг стало по-настоящему страшно — не за себя, а за него. Перед ней стоял человек на грани срыва, человек, которого она только что увидела абсолютно обнажённым, без единого слоя защиты.

— Я... я услышала музыку, — пролепетала она. — Я проснулась и... Это было так красиво...

— Красиво?! — он спустился с крыльца и теперь шёл к забору, и каждый его шаг был полон такой угрозы, что Анна попятилась. — Вы подглядывали за мной? Вы шпионили?

— Нет! Я не шпионила, клянусь! Окно было открыто, я просто вышла в сад...

— Вы нарушили мои границы! — он остановился в метре от забора, и Анна увидела, как дрожат его руки. Те самые руки, которые только что творили чудо. — Вы пришли без приглашения, вы оставили свой дурацкий пирог, вы суёте деньги, хотя я сказал — не надо! А теперь вы стоите тут

и аплодируете? Вы думаете, это театр? Думаете, я играю для чьего-то удовольствия?!

— Я не... — Анна задохнулась от несправедливости. Слезы снова подступили, но теперь это были слёзы обиды. — Вы ничего не понимаете! Я аплодировала, потому что ваша музыка... она...

— Моя музыка — не ваше дело! — перебил он. — Её вообще не должно было существовать! Никто не должен был это слышать! Вы хоть понимаете, что вы сделали? Вы влезли в то, что вас не касается!

Анна вдруг перестала пятиться. Что-то внутри неё, то самое упрямство, которое когда-то заставляло её спорить с бывшим, защищая свои сказки, встало на дыбы. Она выпрямилась и посмотрела Даниилу прямо в глаза.

— Знаете что? — её голос дрожал, но звучал твёрдо. — Вы прячете свою музыку, как дракон сокровище. Сидите в этой вашей пещере и думаете, что если никто не слышит, то ничего и нет. Но от вашего молчания всем только больно! И вам самому — в первую очередь!

— Вы не имеете ни малейшего понятия...

— Имею! — Анна почти кричала. — Я слышала! Я слышала каждую ноту! И знаете, что я поняла? Что вы наказываете себя за то, в чём, возможно, даже не виноваты! Но вместе с собой вы наказываете и эту музыку, и этот дом, и всех вокруг! Вы думаете, это благородно — страдать в одиночку? Нет! Это эгоизм! Самый настоящий эгоизм, завёрнутый

в красивую обёртку трагедии!

Повисла тишина. Такая глубокая, что Анна услышала, как где-то далеко, на берегу, вздохнула волна.

Даниил стоял неподвижно. Его лицо, только что искажённое яростью, вдруг застыло — словно маска дала трещину, и сквозь неё проступило что-то другое. Растерянность? Боль? Анна не могла понять. Его грудь вздымалась от частого дыхания, пальцы сжимались и разжимались, а в глазах — этих светлых, ледяных глазах — что-то рушилось.

— Уходите, — сказал он наконец. Тихо. Без прежней злобы. — Просто уходите.

— Даниил...

— Уходите! — на этот раз в голосе прозвучала мольба. — Пожалуйста.

Анна смотрела на него ещё секунду. Ей хотелось сказать что-то ещё, что-то, что растопило бы этот лёд окончательно. Но интуиция подсказывала: сейчас нельзя. Сейчас он на пределе. Ещё одно слово, и всё рухнет.

Она развернулась и пошла к дому. Мокрая трава холодила ступни, ветер забирался под тонкую сорочку, но Анна не чувствовала холода. Внутри у неё всё дрожало — от адреналина, от страха, от того, что она только что наговорила совершенно незнакомому человеку, который, вообще-то, имел полное право выгнать её вон. Но вместе с дрожью в груди разгоралось странное, горькое удовлетворение. Она сказала правду. Может быть, слишком жестоко, слишком прямо. Но

правду.

Даниил остался стоять у забора. Он смотрел ей вслед, пока её силуэт не растворился в темноте сада, пока не хлопнула задняя дверь бабушкиного дома, пока в мансарде не зажётся и не погас свет. Только тогда он пошевелился.

Ему было холодно, но он не замечал. В голове звучали её слова, перекатывались, как галька в приборе: «Вы прячете свою музыку, как дракон сокровище... От вашего молчания всем только больно... Это эгоизм!»

Он хотел разозлиться снова, но не смог. Ярость ушла, оставив после себя только пустоту и странное, колющее чувство, похожее на... облегчение? Нет. Он не знал, что это. Он вообще давно перестал понимать, что чувствует.

Медленно, как старик, он поднялся на крыльцо, вошёл в дом, закрыл дверь. Прислонился к ней спиной и сполз вниз, на холодный пол.

«...завёрнутый в красивую обёртку трагедии».

Она не имела права так говорить. Она ничего о нём не знала. Не знала, как пах бензин в ту ночь. Не знала, как бьётся стекло, когда машина переворачивается. Не знала, как звучит тишина, когда сердце любимого человека останавливается.

Но почему-то её слова застряли в нём, как заноза.

Даниил поднял голову и посмотрел на рояль. Чёрный, безмолвный, с закрытой крышкой. Три года он не играл для других. Три года музыка существовала только внутри этих стен,

как тюремный срок, который он сам себе назначил. И сегодня — впервые — кто-то услышал. И не просто услышал, а... понял?

Он вспомнил её лицо в свете луны — заплаканное, раскрасневшееся, но при этом совершенно открытое. Она не врала. Она действительно... почувствовала.

«Вы думаете, это благородно — страдать в одиночку?»

Даниил закрыл глаза и глухо, беззвучно засмеялся. Смех вышел горьким, похожим на всхлип. Какая ирония. Он три года строил стены, а какая-то девчонка с пирогом и дурацкой привычкой аплодировать в ночном саду разнесла их вдребезги одним точным попаданием.

Он не знал, что будет делать завтра. Не знал, как теперь смотреть ей в глаза. Но что-то изменилось. Что-то сдвинулось с мёртвой точки, на которой он застрял три года назад.

Даниил поднялся с пола. Подошёл к роялю. Открыл крышку и посмотрел на клавиши — белые и чёрные, холодные под пальцами. Они молчали. Но теперь в этом молчании ему почудился не укор, а ожидание.

Он осторожно, почти робко, коснулся одной клавиши. Звук получился тихим, одиноким, повисшим в воздухе. Но он не резанул слух. Не причинил боли.

Даниил выдохнул и закрыл крышку снова. Не сегодня. Может быть, когда-нибудь. Может быть, никогда. Но впервые за три года слово «когда-нибудь» показалось ему не насмешкой, а возможностью.

За окном занимался рассвет. Серый, промозглый, осенний. Море ворчало вдалеке. Город просыпался, не зная, что этой ночью что-то сдвинулось в его равновесии.

А в доме на пригорке, в мансарде под покатой крышей, Анна сидела на кровати, обхватив колени руками, и смотрела на светлеющее небо. Она не спала ни минуты. В голове звучала мелодия, та самая, до последней ноты. И слова, которые она бросила ему в лицо, всё ещё жгли губы.

Она боялась, что переступила черту. Боялась, что он возненавидит её теперь навсегда. Но ещё больше боялась другого, что он снова закроется, снова уйдёт в свою раковину, и музыка умрёт, и всё останется как прежде.

«Пусть ненавидит, — подумала Анна с неожиданной для себя самой злостью. — Пусть злится. Но если он после этого сядет за рояль и сыграет ещё раз — значит, я была права».

С этой мыслью она наконец позволила себе лечь и закрыть глаза. Утро уже стучалось в окно, а значит, впереди был новый день. И что-то подсказывало Анне: лёгким он не будет.

Глава 4. Сделка с колючкой

Утро после той ночи выдалось отвратительным.

Небо затянуло низкими, тяжёлыми тучами цвета мокрого асфальта. Море за окном не дышало, а ворочалось — серое, беспокойное, с белыми барашками волн, разбивающихся о пирс. Ветер завывал в печной трубе, как голодный пёс, и даже чайки попрятались. Анна проснулась с ощущением, что в груди поселился холодный камешек — не острый, но тяжёлый, давящий.

Она лежала под лоскутным одеялом и прокручивала в голове вчерашнюю сцену. Вот она стоит у забора, босая, в ночной сорочке, и кричит человеку, которого едва знает, что он эгоист. Вот он смотрит на неё с такой болью, что даже сейчас, при свете хмурого утра, у Анны перехватывало дыхание. А вот его последнее «Пожалуйста» — тихое, сломленное, совсем не похожее на того ледяного мужчину, который встретил её три дня назад.

Стыд накатывал волнами. За то, что подслушала, пусть и невольно. За то, что аплодировала, как в театре, как дура. За то, что влезла в чужую душу грязными сапогами и ещё посмела что-то там проповедовать. Кто она ему? Никто. Соседская девчонка, которая разбила его машину, а теперь пытается разбить его уединение.

И в то же время, где-то глубоко, под слоями вины и сму-

щения, тлеет уголёк правоты. Она не жалела о сказанном. Правда была жестокой, но это была правда.

Анна спустилась в кухню только к девяти. Бабушка уже сидела за столом, прихлёбывая чай из любимой чашки с трещинкой, и вязала что-то длинное, бордовое, бесконечное. Спицы мерно постукивали — этот звук был здесь всегда, сколько Анна себя помнила.

— Плохо спала? — спросила Лидия Петровна, не поднимая глаз.

— С чего ты взяла?

— У тебя лицо, как у утопленницы. И глаза красные. То ли плакала, то ли не спала, то ли всё вместе.

Анна плеснула себе чаю и села напротив. Молчание затянулось. Бабушка не давила — она вообще редко давила, предпочитая ждать. Но взгляд её, острый и всё понимающий, Анна чувствовала кожей.

— Бабуль, — наконец сказала она. — Если человек три года прячется от мира и никого к себе не пускает... С ним что-то случилось, да? Что-то плохое?

Лидия Петровна отложила вязание. Посмотрела на Анну долгим, изучающим взглядом.

— Ты про Берга спрашиваешь?

— Да.

— Случилось, — кивнула бабушка. — Только я не сплетница, чтобы чужие беды пересказывать. Одно знаю: он в тот год сюда приехал чёрный, как земля. И никого к себе не под-

пускал. Местные пробовали — кто с пирогом, кто с самогоном, кто просто поздороваться. Всем одно: дверь закрыта, взгляд пустой. Потом отстали. У нас, знаешь, если ты не такой, как все, тебя просто вычёркивают. Так проще.

Анна задумалась. «Чёрный, как земля». Это подходило. Это объясняло многое.

— А девушка? Которая приезжала?

— Лера, — бабушка вздохнула. — Красивая была, как фарфоровая куколка. Смеялась всё время. Он с ней другим был — улыбался, шутил даже. А потом она перестала приезжать. И он перестал улыбаться. Вот и всё, что я знаю.

Повисла тишина. Только спицы снова застучали — тук-тук-тук. Анна смотрела в окно на серое небо и думала о том, что смерть — странная вещь. Она приходит и забирает одного человека, но каким-то непостижимым образом убивает и второго. Не сразу. Медленно. По кусочку.

День тянулся бесконечно. Анна взялась за уборку — не потому, что было нужно, а чтобы занять руки. Перемыла полы во всём доме, перебрала банки в кладовой, начистила до блеска старый медный таз, который бабушка держала для варенья. Потом вышла в сад.

Сад был запущен. При жизни деда он цвёл и плодоносил так, что яблоки раздавали всем соседям, а вишни хватало на три улицы. Но после его смерти бабушка уже не могла ухаживать за деревьями, и сад потихоньку дичал. Яблони заросли волчками, кусты смородины переплелись ветвями, а малина

расползлась по всему заднему двору, как захватчик. Старые клумбы затянуло сорняком, и только самые стойкие цветы — флоксы да астры — ещё боролись за место под солнцем.

Анна натянула старые перчатки, нашла в сарае секатор и принялась за работу. Физический труд всегда помогал ей думать. Когда руки заняты простым, понятным делом — режь, тяни, выбрасывай, — мысли в голове тоже как-то упорядочиваются. Она обрезала сухие ветки, выдираала сорняки и размышляла.

Нужно было что-то делать с Даниилом. Не лезть к нему — это понятно. Но и не делать вид, что ничего не было. Что-то между «извиниться» и «исчезнуть навсегда». Но как извиниться, если он не открывает дверь? Как исчезнуть, если их разделяет только забор?

Она как раз добралась до дальней части сада, где старая яблоня совсем легла на забор, придавив его своей тяжестью, когда услышала шаги. Мужские. Тяжёлые. С той стороны.

Анна замерла с секатором в руке. Сердце тут же понеслось вскачь, как испуганный заяц. Она выпрямилась — медленно, очень медленно — и увидела его.

Даниил стоял у забора. Одет он был сегодня не в капюшон, а в свитер с высоким горлом и старые джинсы. Лицо — бледное, с тёмными кругами под глазами, как у человека, который тоже не спал.

— Здравствуйте, — сказал он. Голос звучал непривычно: без холода, без злости, просто устало. — Я пришёл сказать...

кое-что.

Анна медленно стянула перчатки. Подошла ближе. Она чувствовала, как горят щёки, но заставила себя смотреть ему в глаза.

— Я слушаю.

Было заметно, что каждое слово даётся ему с трудом, будто он выталкивал их из себя, как застрявшие пули.

— Я хотел извиниться. За вчерашнее. То, что вы сказали... это было... — он запнулся, подбирая слово, — неожиданно. И я сорвался. Этого не должно было случиться. Вы не заслужили такого обращения. Простите.

Анна моргнула. Извинение? От него? Человека, который три дня назад даже дверь не открыл, а вчера готов был испепелить её взглядом? Она ожидала чего угодно — нового холода, язвительности, молчаливого игнорирования, — но не этого.

— Я... я тоже прошу прощения, — выдавила она. — Я не имела права слушать. И аплодировать. И тем более — кричать на вас. Вы были правы: это не театр. Я просто... — она замялась. — Я никогда не слышала ничего подобного. И меня... прорвало.

Он поднял бровь.

— Прорвало? Интересный выбор слов.

— Я писатель, — пожала плечами Анна, чувствуя, как неловкость перерастает в какое-то нервное веселье. — Точнее, пытаюсь им быть. Поэтому иногда меня прорывает на

слова. Даже когда не надо.

— Писатель, — повторил он. — О чём пишете?

— Сказки. Для взрослых и детей. Вернее, пытаюсь писать.

Пока получается не очень.

Повисла пауза. Они стояли по разные стороны забора, разделённые старым штакетником, и смотрели друг на друга. Ветер трепал волосы Анны, выбившиеся из пучка, и бросал Даниилу на лицо пряди, которые он не удосужился убрать.

— Послушайте, — сказал он вдруг. — У меня есть предложение.

— Предложение?

— Да. — Он обвёл взглядом бабушкин сад, задержался на зарослях малины, на покосившейся яблоне, на кучах сорняков. — Этот сад меня раздражает.

Анна удивлённо заморгала:

— Что?

— Я не в том смысле. — Он поморщился, будто досадуя на свою неспособность выразиться мягче. — Понимаете, мой дом стоит прямо за вашим садом. Каждое утро я смотрю в окно и вижу... это. Запустение. Сорняки. Ветки, которые лезут на мой участок. Старую яблоню, которая вот-вот рухнет на забор. Это... беспокоит.

Анна скрестила руки на груди:

— То есть, вы предлагаете мне привести сад в порядок, чтобы не портить вам вид?

— Я предлагаю помочь, — он выделил последнее слово.

— У меня есть руки, инструменты и куча свободного времени, которое я трачу на то, чтобы смотреть в стену. Если вы не против, я мог бы... заняться этим садом. Вместе с вами.

Она уставилась на него, не веря ушам. Даниил Берг, отшельник, человек-крепость, предлагает ей работать в саду? Вместе?

— А что взамен? — спросила она осторожно.

— Взамен? — он на секунду задумался. — Вы говорили, что печёте пироги. И в тот раз оставили на крыльце какой-то свёрток. Я его... съел. И он был съедобным.

— Съедобным?! — возмутилась Анна.

— Вкусным, — поправился он, и уголок его рта чуть дрогнул — то ли в усмешке, то ли в чём-то ещё. — Очень вкусным, если честно. Я не умею готовить. Вообще. Три года питаюсь доставкой, полуфабрикатами и тем, что привозит экономка раз в неделю. Горячий домашний пирог — это... было неожиданно приятно.

Анна слушала и чувствовала, как внутри разливается тепло — осторожное, робкое, но несомненное. Он съел её пирог. Ему понравилось. И теперь он хочет... что? Чтобы она его кормила?

— Вы предлагаете бартер? — уточнила она. — Я вас кормлю, а вы помогаете с садом?

— Что-то вроде того, — кивнул Даниил. — Завтрак и ужин. Обед я обычно пропускаю — работаю. А вы получаете рабочие руки. И через месяц у вас будет ухоженный сад, а

не... джунгли.

— А вы что получаете? Кроме еды?

Он помолчал. Отвёл взгляд, посмотрел куда-то в сторону моря, и Анна успела заметить, как что-то пробежало по его лицу — тень, мимолётная, почти неуловимая.

— Может быть, повод выходить из дома, — сказал он наконец. — И заняться чем-то, что не связано с четырьмя стенами.

Что-то в его голосе — не жалость к себе, а скорее честность — заставило Анну принять решение. Она протянула руку через забор.

— Договорились. Я готовлю завтрак и ужин. Вы приходите и помогаете с садом. И ещё одно условие.

— Какое?

— Вы не называете меня «вы». Меня зовут Анна. И я младше вас, так что это глупо.

Даниил посмотрел на её протянутую руку. На маленькую ладонь с мозолью от секатора, на короткие ногти без маникюра, на след земли под указательным пальцем. Потом осторожно, будто боясь обжечься, пожал её.

— Договорились... Анна. А я Даниил. Хотя вы это и так знаете.

— Знаю, — улыбнулась она. — Но приятно, когда ты представляешься сам.

Его рукопожатие было твёрдым, но пальцы оказались сухими и горячими — те самые пальцы, которые она видела на

клавишах, которые дрожали над розой, которые сейчас осторожно, почти невесомо сжимали её ладонь. И Анна вдруг поняла, что ей совсем не хочется отпускать.

— Тогда до завтра? — спросил Даниил, убирая руку.

— До завтра. Я приготовлю что-нибудь к восьми утра.

— Я приду.

Он кивнул — сдержанно, коротко — и пошёл обратно к своему дому. Анна смотрела ему вслед. Высокая фигура в тёмном свитере, плечи расправлены, но в походке всё равно чувствовалась какая-то надломленность — едва заметная, как трещина в фарфоре.

Когда калитка за ним закрылась, Анна выдохнула. Только сейчас она поняла, что всё это время почти не дышала.

— Ну и дела, Светлова, — пробормотала она себе под нос. — Ты только что заключила сделку с человеком, который вчера тебя чуть не убил взглядом. И теперь будешь кормить его завтраками.

Она вернулась к работе, но теперь всё пошло иначе. Движения стали легче, мысли — светлее. Она обрезала ветки и представляла, что приготовить завтра: омлет с зеленью? творожную запеканку? а может, тосты с авокадо, пока ещё не совсем осень и можно найти в магазинчике приличные овощи и фрукты? Ей давно не приходилось готовить для кого-то, кроме себя и бабушки. И это странное, забытое чувство — предвкушение чужого утра — было неожиданно приятным.

Остаток дня Анна посвятила расчистке. Она решила на-

чать с самого проблемного места — старой яблони, которая действительно почти легла на забор. Дерево было огромным, старым, но ещё живым — кое-где на ветках виднелись мелкие, сморщенные яблоки, которые никто не собрал. Она спи- лила сухие ветки, убрала упавшие стволы, подвязала то, что ещё могло держаться. Руки ныли, спина болела, но результат уже был заметен — яблоня больше не давила на забор.

Вечером, когда она показала бабушке результаты, Лидия Петровна долго молчала. Потом сказала:

— Берг приходил. Я в окно видела.

— Приходил, — не стала отрицать Анна. — Предложил помочь с садом. В обмен на завтраки и ужины.

— И ты согласилась?

— Согласилась.

Бабушка покачала головой, но в её глазах Анна заметила что-то, похожее на одобрение.

— Ты всегда была упрямой, — сказала она. — Вся в меня. Только осторожнее, Ань. Этот человек — он как та яблоня. С виду сухой, но внутри ещё живой. Только вот сухие ветки иногда ломаются. И могут поранить.

— Я знаю, — Анна поцеловала бабушку в морщинистую щёку. — Я буду осторожна.

Ночью она снова лежала без сна. Но теперь мысли были другими — не мучительными, а какими-то взбудораженными, лёгкими. Она думала о том, что завтра увидит его. Что он придёт к восьми утра и сядет за её стол, и будет есть то,

что она приготовила. А потом они пойдут в сад и будут работать — вместе.

«Может быть, повод выходить из дома», — сказал он.

Анна повернулась на бок и посмотрела на тёмный дом за забором. Сегодня там тоже не было света. Но теперь ей казалось, что тьма уже не такая плотная. Будто где-то внутри зажглась крошечная искра — маленькая, но достаточная, чтобы разогнать тени.

Она уснула с мыслью о том, что надо встать пораньше и успеть приготовить что-нибудь особенное. Что-то тёплое. Что-то, что пахнет домом.

И первый раз за долгое время ей снились не туманы. Ей снилась музыка. Та самая, ночная. Только теперь в ней слышались не только боль, но и надежда — тихая, как шёпот, как обещание, как первый аккорд новой мелодии, которая ещё не написана, но уже зарождается где-то на границе сна и яви.

Глава 5. Рецепт штруделя

Первая неделя их странной сделки прошла на удивление гладко.

Каждое утро, ровно в восемь, Даниил появлялся у калитки. Он никогда не опаздывал и никогда не приходил раньше — словно у него внутри был встроен какой-то безупречный метроном, отмеряющий минуты с той же точностью, с какой его пальцы когда-то отмеряли ноты. Анна встречала его на кухне, где уже дымился завтрак: то пышный омлет с зеленью и сыром, то творожные сырники со сметаной, то каша с карамелизированными яблоками и корицей. Он ел молча, сосредоточенно, иногда бросая короткое «спасибо» или «вкусно». Анна не навязывалась с разговорами — она чувствовала, что ему нужно время привыкнуть к чужому присутствию. Но иногда, поднимая глаза от тарелки, она ловила его взгляд: не холодный, не отстранённый, а скорее изучающий. Словно он пытался понять, что она за человек.

После завтрака они шли в сад.

Работать с Даниилом оказалось... странно. Иначе Анна не могла это описать. Он почти не разговаривал, но при этом не был угрюмым. Он двигался — методично, точно, без лишней суеты — и его присутствие создавало вокруг какую-то особую тишину. Не пустую, а наполненную. Как в библиотеке. Как в храме. Анна ловила себя на том, что ей не хочется

нарушать эту тишину пустыми словами, и поэтому она тоже молчала, занимаясь своим делом. Иногда они работали на разных концах сада, иногда — совсем рядом, разделённые только кустом смородины или грядкой. И это молчание бок о бок было удивительно... удобным. Правильным. Как будто они знали друг друга сто лет и не нуждались в лишних звуках.

Он выкорчевал пни, которые торчали из земли со времён деда. Он починил забор, подлатал калитку, укрепил покосившуюся беседку. Он орудовал топором так же легко, как, должно быть, орудовал пальцами на клавишах, и Анна иногда ловила себя на том, что засматривается. На его руки — сильные, с длинными пальцами и выступающими венами. На его сосредоточенное лицо. На капельку пота, которая скатывалась по виску и исчезала за воротником рубашки.

Она отводила взгляд и ругала себя. Ей нельзя было засматриваться. Ей вообще не следовало думать о нём в этом ключе. Он был соседом. Сложным, травмированным, закрытым соседом, с которым у неё был деловой договор, не более.

Но тело не слушалось разума. Тело замечало всё: как ветер приносит его запах — не одеколону, а чего-то природного, как нагретая солнцем древесина. Как он иногда, забывшись, напевает что-то себе под нос — обрывки мелодий, тех самых, ночных. Как однажды, когда она порезала палец о колючий куст, он вдруг оказался рядом, взял её ладонь и осмотрел ранку так осторожно, словно она была сделана из тон-

чайшего фарфора.

— Нужно промыть и заклеить пластырем, — сказал он тогда. — У вас есть аптечка?

— В доме, — ответила Анна, чувствуя, как от его прикосновения по коже бегут мурашки.

Он промыл, заклеил, а потом ещё и настоял, чтобы она посидела в тени, пока он сам закончит обрезать куст. И Анна сидела на старой скамейке, смотрела, как он работает, и думала о том, что её бывший никогда так не заботился о ней. Никогда. Даже когда она болела. Даже когда плакала.

К концу недели сад преобразился. Яблоня больше не давила на забор — её подвязали, укрепили, и теперь она стояла ровно, как старая королева, расправившая плечи. Сорняки были выполоты, кусты подстрижены, а малину загнали обратно в отведённые ей границы. Даже клумбы, которые Анна считала безнадёжно погибшими, обнажили усталую, но живую землю, готовую к новым посадкам.

— Весной тут можно будет разбить цветник, — сказал Даниил в пятницу, оглядывая дело их рук. — Многолетники. Пионы, флоксы, может быть, лаванду. Она хорошо приживается у моря.

— Вы... ты разбираешься в цветах? — Анна всё ещё иногда запинаясь на «ты».

— Моя мама была ботаником, — ответил он коротко. И замолчал, давая понять, что тема закрыта.

Вечером пятницы Анна приготовила ужин, как обычно.

Но в этот раз — впервые за неделю — Даниил задержался за столом. Он съел свою порцию запечённой рыбы с овощами, выпил чай, но не ушёл. Сидел, вертел в пальцах пустую чашку и смотрел в окно, где сгущались ранние осенние сумерки.

— Ты не торопишься? — спросила Анна.

— Нет. Сегодня не тороплюсь.

И тогда Анна решила. Она принесла из своей комнаты старую, потрёпанную тетрадь в кожаной обложке и положила её на стол.

— Что это? — спросил Даниил.

— Мои сказки. Точнее, попытки сказок. Я подумала... ты музыкант. Ты понимаешь, что такое ритм, композиция, гармония. Может быть, ты согласишься? Скажешь, что не так?

Он взял тетрадь. Долго смотрел на обложку, потом открыл первую страницу. Анна замерла, чувствуя, как сердце колотится где-то у горла. Это было страшнее, чем показывать свои тексты кому бы то ни было. Сказки были её тайной, её убежищем, её самым уязвимым местом. И она только что вручила это убежище человеку, который мог разнести его в пух и прах одним неосторожным словом.

Даниил читал молча. Перевернул страницу. Потом ещё одну. Его лицо оставалось непроницаемым. Анна уже пожалела о своей затее и хотела сказать «ладно, не надо, это глупость», когда он наконец поднял глаза.

— Здесь есть опечатка, — сказал он. — На третьей странице. «Салавей» вместо «соловей».

— И всё? — выдохнула Анна.

— Нет, не всё. — Он помолчал. — Это... хорошо. На самом деле хорошо. Не идеально, но в этом и прелесть. Сказки не должны быть идеальными. Они должны быть живыми. У тебя они живые.

Анна почувствовала, как к глазам подступают слёзы — неожиданно, горячо, неконтролируемо. Она часто заморгала, пытаясь их удержать, но одна всё равно скатилась по щеке.

— Прости, — пробормотала она. — Я не знаю, почему плачу. Это глупо.

— Не глупо, — сказал Даниил тихо. — Ты просто боишься, что тебя не оценят. Что твои слова никому не нужны. Я знаю этот страх.

Он смотрел на неё, и в его светлых глазах Анна увидела то, чего не видела раньше: отражение собственной боли. Той самой, которую она прятала под слоями «я в порядке» и «всё нормально». Той самой, которая заставляла её считать себя «пресной» и «недостаточно хорошей».

— Откуда ты знаешь? — прошептала она.

Даниил отвёл взгляд.

— Я три года не мог сесть за рояль, — сказал он. — Не потому, что не умел играть. А потому что боялся. Боялся, что звуки получатся пустыми. Что я больше не способен создать ничего настоящего. И когда ты в ту ночь аплодировала... я разозлился не на тебя. Я разозлился на свой страх. Ты

просто оказалась рядом.

В кухне стало очень тихо. Где-то за стеной потрескивали дрова в печи, на улице шумел ветер. Анна смотрела на Даниила и чувствовала, как рушатся последние стены между ними. Он только что сказал ей то, чего, возможно, не говорил никому за эти три года. И сделал это так просто. Так доверительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.